

можностей в теоретическом и практическом плане посредством анализа художественных текстов играет важную роль в исследовании различных типов повествования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Матриенко А.В. Исследование функциональных особенностей индексальных элементов в высказываниях с косвенной речью в свете теории языковой указательности// Когнитивная лингвистика конца XX века. Материалы Международной научной конференции. Часть 2 - Мн., МГЛУ, 1997.
2. Triki M. The Representation of Self in Narrative// Journal of Literary Semantics. N20. 1991.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕКСТОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНЫХ КОМПОНЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛА

С.В.Ушакова
Белгород

Имплицитность проявляется в системных связях лексики. "Имплицитное значение, входя в содержание лексической единицы, отражает ее коммуникативную ориентированность, направленность от говорящего к слушающему, который должен соотнести эксплицитное значение с гипостазируемым содержанием коммуникаций, анализируя совокупность значимых обстоятельств общения, включая наличную выраженную речь... В этих речемыслительных процессах совокупный смысл синтаксических единиц прирастает за счет импликаций - умозаключений из эксплицитных значений имен, высказываний и текстов" (Никитин, 1985: 47)

Выявление имплицитного потенциала глаголов в определенной мере отражает, на наш взгляд, коммуникативные возможности лексической системы, в которой обобщаются, типизируются не только закономерности и связи объективной действительности, но и субъективные, вероятностные стороны человеческой деятельности.

Высокий импликационный потенциал, имеющийся в производных значениях глаголов - полисемантов (условно такие значения назовем текстуально обусловленными), характеризует их, по словам М.В.Никитина, как "информационно чрезвычайно емкий компонент словесной коммуникации" (там же).

Способом, позволяющим выделить имплицитные семы в глагольном значении, является как анализ синтагматики глагола (на уровне его валентностных характеристик), так и учет типичных контекстов большего объема (вплоть до текстовых фрагментов разного характера). Наблюдения показывают, что в об-

шем случае можно выделить два основных имплицитных глагольных компонента, которые с высокой долей вероятности актуализируются в тексте, - это 'наблюдаемость' ('перцептивность') и 'бытийность'. Остановимся на первом из них.

Анализ значительного массива однотипных текстовых фрагментов из произведений А.П.Чехова, И.А.Бунина, В.В.Набокова и других авторов позволяет говорить о высокой частотности глаголов нескольких лексико-семантических групп (ЛСГ) - прежде всего ЛСГ перемещения, обнаружения объекта, местоположения в пространстве и др.

Как правило, глаголы этих ЛСГ в своих производных значениях могут имплицитировать, условно говоря, "скрытого наблюдателя". Напр.: *Перед вами вырастают громады небоскребов* (Горький); *Как душно и уныло! ... Для разнообразия мелькнет в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла, перебежит дорогу суслик, и - опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи...* (Чехов).

Высокая частотность однотипных с точки зрения содержания и лексического наполнения текстовых фрагментов (восприятие действительности) у разных авторов позволяет предположить определенную функциональную нагруженность однотипных глагольных значений, в каком-то смысле даже предопределенность их появления в текстах. Как показал наш анализ, эти глаголы формируют лексическую структуру текстовых фрагментов той или иной жанровой и коммуникативной направленности. Такие тексты основаны на так называемом несобственно прямом дискурсе, где устраняется (максимально или частично) "всеведущий" автор, "знающий" о своих героях все и четко им противопоставленный (это отражается, в частности, в использовании личных местоимений).

Глаголы с указанными имплицитными компонентами формируют фрагменты, структурированные точкой зрения персонажа. Изменение этой точки зрения, смена фокусов художественного изображения считается одним из важнейших текстообразующих принципов (Бахтин, 1995), поскольку формирует хронологические рамки повествования. Эти рамки могут быть заданы рассказчиком от первого лица, непосредственным восприятием героя ("Степь" А.П.Чехова), восприятием самого повествователя (напр., описание степи в повести Н.В.Гоголя "Тарас Бульба"). Несобственно прямой дискурс характеризуется тем, что в нем авторская точка зрения не проявляется открыто, и, таким образом, создается ощущение максимальной объективности повествования. Именно это свойственно, например, прозе А.П.Чехова, художественно изображающей мир через восприятие персонажа. Такой принцип становится структурообразующим в поэтике XX века. В этом случае мир в восприятии реального наблюдателя, находящегося "внутри" изображаемого пространства и времени, предстает в некоем смещении черт постоянных и временных, создается эффект изображения мира в его текучести, "неотфильтрованной" полноте.

Эта детализация мира осуществляется в значительной степени для того, чтобы передать целостный поток текущего бытия во всей его нерасчлененности, со всеми важными и неважными подробностями. Такое новое видение мира привело к новой стилистике, которая в определенной степени на собственно лингвистическом уровне поддерживается глаголами с семантическим компонентом 'наблюдаемость'.

Наиболее яркая и многочисленная группа глаголов, способных в своих производных значениях актуализировать перцептивную семантику, - глаголы физического действия, и прежде всего - глаголы перемещения. В этом случае изменяются валентностные возможности глаголов: они приобретают возможность сочетаться с существительными, обозначающими неодушевленный субъект перемещения. Напр.: *Через минуту бричка тронулась в путь. (...) Холмы все еще топули в лиловой дали и не было видно их конца; мелькал бурьян, булыжник, проносились сжатые полосы...* (Чехов).

Ср. дефиницию глагола *мелькать* в Словаре русского литературного языка в 4-х т.т. (МАС), в которой практически все компоненты толкования предполагают воспринимающего, наблюдающего субъекта: 1. '*Являться, показываться на недолгое время и исчезать, появляться время от времени в разных местах*'. В производном значении этого же глагола семантический компонент 'наблюдаемость' выводится при экспликации семы 'свет': ...3. '*Прерывисто светить, мерцать (о светящихся и светящихся предметах)*'. Ср. еще: *вырасти* - ... 5. '*Оказываться, появляться, возникать (обычно неожиданно) перед чьим - либо взором*'; '*обозначиться - стать видимым, различимым при приближении, усилении освещения и т. п.*'

Следующая группа - глаголы проявления признака (*плакать, щebetать, стрекотать* и др..). Звуковая сема, выделяемая в значениях подобных глаголов, естественно предполагает восприятие, а, следовательно, и наличие имплицитного наблюдателя.

Примыкают к названным и глаголы цветовой характеристики (*зеленеть, сереть, чернеть* и др.), поскольку также предполагают воспринимающего субъекта.

Подобная импликация осуществляется часто на основе своеобразных отношений "семантической конвертируемости", опирающихся на знания говорящего о мире, его пресуппозиции. Так, например, 2-е значение глагола *дойти* в МАС ('*распространяясь, достичь чьего - либо слуха, обоняния (о звуках, запахах и т. п.)*') можно представить следующим образом: '*кто-либо воспринимает эти звуки, запахи*'). А в семантической структуре глагола *выглянуть* эта "конвертируемость" проявляется при сопоставлении 1-го и 2-го значений. Ср.: 1. '*Посмотреть, показавшись наружу*' vs 2. '*Стать видным, появиться*'. Иллюстрация ко 2-му значению имплицитно не только наблюдателя, но и его перемещение как бы в момент употребления данного глагола: *Вон из-за мыса выглянуло и предместье* (Мамин-Сибиряк).

Наличие семантического компонента 'наблюдаемость' подтверждается во всех случаях тем, что в качестве элементов метаязыка в дефинициях используется лексика восприятия. Анализ иллюстративного материала в словаре показывает также, что пропозиции, в которые входят данные глаголы, совпадают на глубинном уровне с пропозициями, образованными глаголами восприятия (см. характеристику глагола *дойти*, а также следующий пример: *Я увидел стену vs Передо мной выросла стена*).

Глаголы отмеченных лексико-семантических групп позволяют говорить о заключенных в них текстовых потенциях: они используются преимущественно в текстах описательного типа, в центре которых - описание события, и создают возможности "объективации" повествования, непрямого введения как воспринимающего субъекта, так и повествующего автора. Ср. примеры из МАСа: *Первый выстрел дошел до них через 3 часа 25 минут* (Васильев); *Вдруг от места боевого дошел до них протяжный стон - и все опять утихло* (Жуковский).

Механизм импликации воспринимающего субъекта в подобных глаголах опирается на общие механизмы внутрисловной парадигматики и в целом имеет семантико-синтаксический характер. Прежде всего наблюдается изменение валентностных (субъектных) связей глаголов. Валентность на субъектный актант - лицо становится факультативной, открывается валентность на субъектный актант - не-лицо, и тем самым создается возможность обозначения ситуации нестандартным, неизосемическим способом, как это представлено в концепции семантического стандарта, выдвинутой Т.П.Ломтевым и развитой впоследствии Г.А.Золотовой и другими лингвистами (Ломтев, 1972; Золотова, 1982). При глаголах физического действия и состояния, предполагающих субъект-лицо, используются имена, обозначающие неодушевленные субъекты, и в этом случае референциальные возможности глагола изменяются.

И если семантическая структура глаголов восприятия, стандартно обозначающих соответствующую ситуацию, элементарна, то семантическая структура глаголов движения, обозначающих ситуацию нестандартно, в общем виде включает в себя следующие компоненты: начало движения, конец движения, направление, точки траектории, местонахождение неподвижного каузатора движения, область пространства.

Возможно и изменение семантики высказывания с соответствующим глагольным предикатом за счет изменения его коммуникативного (актуального) членения при одновременном использовании детерминанта преимущественно пространственной семантики. Этот механизм регулярно проявляется в так называемых бытийных предложениях. В рассматриваемых случаях в тематической части предложения будет находиться не субъект, а детерминант, субъект же и предикат располагаются в рематической зоне, причем субъект - подлежащее замыкает высказывание (его рематическая функция поддерживается и

соответствующей интонационной конструкцией). Ср.: *В траве / стрекотали кузнечики, плакали чибисы* (Чехов); *Высоко в небе / парил коршун* (Чехов).

Нейтральный порядок расположения субъекта и предиката может и не изменяться, как в предыдущем случае, но введение специфических обстоятельственных компонентов дейктического характера, указывающих на "личную сферу говорящего" (Апресян, 1995) и передающих не различия в фактическом физическом расстоянии в пространстве между предметами или во времени между событиями, а исключительно различия в способе восприятия этих параметров говорящим или тем наблюдателем, которого мыслит говорящий, уже подразумевает воспринимающего субъекта. Использование подобного обстоятельства позволяет не учитывать тип субъектного актанта как обязательное условие, в подобных случаях возможны и одушевленные, и неодушевленные синтаксические субъекты, а вот валентность на объект, свойственная глаголам в первых значениях, как правило, отсутствует. Ср.: *Дорога, извиваясь с полверсты по берегу Волги, вдруг круто повернула налево* (Загоскин). Характерен в этом случае и пример, представляющий собой сложное предложение, где вторая часть эксплицирует наблюдателя: *Аллея круто повернула вправо, и Тихон Павлович увидел эстраду* (Горький).

Как видим, импликация воспринимающего субъекта тесно связана с определенными свойствами контекста: он должен иметь конкретно - референциальный характер, отражать хронологические реалии текста.

Как нам представляется, подобные глаголы и глагольные значения ориентированы как на внеязыковую действительность, так и на внутреннюю организацию текста. Их можно охарактеризовать как глаголы, имеющие антропоцентрическую, дейктическую направленность. Отмеченность большинства глагольных значений с имплицитным наблюдателем в словаре позволяет рассматривать подобные единицы как функционально-текстовую подсистему, ориентированную на обозначение ситуации восприятия в таком композиционно - смысловом типе речи, как демонстрационный (Золотова, 1973; Ильенко, 1989). Под композиционно - смысловым типом речи подразумеваются "текстовые сегменты, типизированные в темпорально-функциональном и в композиционно-языковом отношении. Эта функционально-текстовая перспектива повествования определяется соотношением языковых средств, используемых для изображения фрагмента действительности, и романном временем, в котором происходит изображаемое" (Ильенко, 1989: 46)

Как пишет С.Г.Ильенко, демонстрационный тип речи связан с пошаговым, поэлементным изображением действительности, при котором события, развивающиеся в незначительный хронологический период, представляются детализированно, поэтому для этого типа речи характерна высокая степень плотности процессуального и предметного ряда, а направленность на тщательность изображения приводит к переплетению монологической и диалогической речи. Но, как показывают наши наблюдения над текстами (в частности, текста-

ми А.П.Чехова и И.А.Бунина), данная композиционно - смысловая разновидность типов речи характеризуется и регулярным включением в контекст ситуаций восприятия (с неподвижным и/или перемещающимся наблюдателем). Ср.: *Мальчик всматривался в знакомые места. ... За острогом промелькнули черные ... кузницы, за ними уютное, зеленое кладбище; ... из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами* (Чехов.).

Ситуация восприятия задана глаголом *всматриваться*, остальные выделенные глаголы разрабатывают эту ситуацию, имплицитно перемещая наблюдателя, выводя на первый план объекты действительности и их оценку. Как видим, способность глагола быть "макетом ситуации" (Кацнельсон 1982: 88), обозначать событийный фрагмент действительности формирует значительный имплицитный семантический потенциал, позволяющий косвенным путем обозначать многоплановую ситуацию в тексте. Языковым механизмом, способствующим проявлению разнообразных текстовых потенциалов глагола, является динамика валентностных связей глагола, позволяющих обозначать ситуацию восприятия косвенным образом, что способствует повышению информативной плотности текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. -М., 1995: С. 629 - 650
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1995.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. -М., 1973
4. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. - Л., 1989.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. -Л., 1982.
6. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. -М., 1972.
7. Никитин М.В. Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика. -М., 1988.

НОМИНАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ПОЛУСЛУЖЕБНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Уикова
Тамбов

Черты служебности содержат некоторые глаголы, представляющие собой полнозначные лексемы и выражающие такие семантические признаки, которые лексико-грамматически модифицируют значения других лексем, демонстрируя тем самым близость к грамматическим словам, например, *делать*, *длиться* и др. (Адмони, 1988: 26). Необходимо описывать в рамках одной модели все глаголы, традиционно не определяемые как "грамматические слова", но характеризующиеся семантической несамостоятельностью, используемые в